

Разнообразный международный опыт, отечественные эксперименты последних лет, а также уже принятые на уровне государства решения, безусловно, задают определенные векторы дискуссий. Выступления на нашем круглом столе, однако, показывают, что необходимо осмысление как практических (юридических, организационных, методических), так и теоретических (богословско-философских, методологических) вопросов. Понятно, что обсуждение возможностей и места религий в решении фундаментальных задач российского образования требует осмысления и вдумчивой оценки феноменов и понятий, с которыми мы имеем дело.

Ведение дискуссий предполагает одинаковый подход к базовым понятиям, среди которых ряд «прилагательных к образованию»: светское, религиозное, (неконфессиональное религиозное), духовное, церковное, церковно-гражданское, конфессиональное, богословское (теологическое) и т.п. Однако на поверку оказывается, что большинство из них, несмотря на частое их использование, нуждаются, как минимум, в дополнительной проработке. Прежде всего, обратим внимание на традиционное разделение светского и религиозного образования. Под *светским* обычно понимается секуляризованное, гражданское (часто и военное), находящееся под юридической опекой государства и общественным контролем образование. Основная характерная черта светского образования — отсутствие церковного контроля и религиозной, доктринальной доминанты в содержании.

Термин религиозное образование, который, казалось бы, должен означать противоположное светскому, оказывается неоднозначным в употреблении. Им обозначаются различные феномены. Так, в ряде западных стран сложилась традиция называть религиозным образованием (английское Religious education или немецкое Religionsunterricht) неконфессиональные образовательные программы религиоведческо-культурологического плана, которые исходят из принципа мультикультурности современного общества и призваны, через знакомство учащихся с общим морально-ценностным ядром религий и их конфессиональными особенно-

стями, воспитывать в них толерантность и уважение к различным религиозным и этническим культурам.

Думаю, термин религиозное образование имеет гораздо больший вес и более глубокий смысл, когда мы обозначаем им феномен развивавшихся на протяжении многих столетий образовательных моделей и систем, в основе которых лежали различные виды теологического мировоззрения. При этом правовой статус учебных заведений не играл ключевой роли. Более важным было то, что содержание религиозного образования включало в себя, наряду с общеобразовательными и профессиональными компонентами, доктринальное учение, а весь процесс обучения строился на соответствующих данной религии принципах просвещения и воспитания.

В этом контексте мне хотелось бы кратко познакомить коллег с особенностями авторской образовательной модели вуза, в котором проходит наша конференция и работает сегодняшний круглый стол. У нас есть и религиозное, и нерелигиозное образование в рамках одного учебного заведения.

Как известно, РХГА — негосударственный светский вуз, существующий более двух десятилетий. Академия (тогда еще институт) одной из первых, в начале 90-х гг. прошлого века, начала реализовывать образовательные программы по религиоведению и теологии. У нас, если верить религиоведческому справочнику, едва ли не первая в России кафедра религиоведения. Обучаются у нас молодые (иногда и не очень) люди, придерживающиеся разных мировоззренческих взглядов, принадлежащие различным конфессиям. Почему даже в условиях демографического кризиса, при отсутствии какого-либо регулярного спонсорства, нам удастся сохранять очную и заочную формы, развивать заочную? Иногда нам самим трудно отвечать на этот вопрос. Модель, которую мы предлагаем всем — религиоведам, теологам, философам, культурологам, филологам, психологам, педагогам, это модель ценностно-культурологического образования. Она исходит из того, что христианские ценности, шире — ценности авраамических религий, составляют духовную и этическую основу жизни современного человека, как бы он себя не позиционировал в мире.

Учебные планы содержательно (форма, иногда вынужденно меняется, приспособливается к стандартам) насыщаются культурно-историческим содержанием. В результате ценности, внесенные в мировую культуру христианством, студенты видят вплетенными в исто-

рию развития человеческой цивилизации. Содержание религиозной жизни вводится в учебный процесс не путем индоктринации, знакомство с религией происходит через осмысление ценностного ядра культуры, поскольку именно в религии ценности раскрываются *sub speciae absoluti*. То есть речь идет, как мы говорим, о духовно-ориентированной инкультурации. Это способствует и развитию комфортной светской вузовской среды, позволяет молодым людям осознавать, что традиционные религии объединяют общество устойчивым набором ценностей, расходясь, однако, на уровне доктрин и обрядовых традиций. Таков общий фон нашего образования. И он позволяет учиться и православным, и протестантам, и мусульманам. Был даже один буддист. И такой подход является хорошим подспорьем для подготовки специалистов-религиоведов. Но их, естественно, учат углубленно, они должны быть профессионалами.

Если говорить о теологии, то у нас это православная программа, имеющая все необходимые разрешения и от соответствующего отдела Патриархии и от епархии. Теологическая программа реализуется кафедрой богословия, которая укомплектована нашими коллегами, влившимися в РХГА несколько лет назад, когда Институт богословия и философия вошел в состав нашей академии. Следует признать, что наша теологическая программа именно тогда получила логическое завершение и достойный кадровый ресурс. Мы активно думаем сейчас, как расширять наш диапазон. В частности, есть идея сотрудничества с Общецерковной аспирантурой и докторантурой, возглавляемой митрополитом Илларионом, на стыке наших интересов, в магистерских программах.

Помня о необходимости говорить кратко, замечу, что светский межконфессиональный подход, ценностно-культурологическая модель, создает и определенные проблемы при общении с различными (как государственными так и конфессиональными) структурами, поскольку иногда не срабатывает система опознавания «свой-чужой», но дает и большие возможности, уникальное положение, которое недоступно учреждениям, включенным в жесткие конструкции и управляемым свыше.

В этом ключе строит свою образовательную деятельность Санкт-Петербургская православная духовная академия, которую на круглом столе представил протоиерей Владимир Хулап, проректор по учебной работе. Перед академией, как и перед другими ведущими православными вузами стоит комплекс сложных задач, с одной

стороны, сближения со светской российской системой образования и, одновременно с последней, движения в сторону болонского процесса, с другой стороны, сохранения традиций духовных школ. О том, что пастырей невозможно подготовить в отрыве от Церкви, говорят и выступление отца Владимира, и выступление священника Алексея Яндушева, префекта Католической высшей духовной семинарии во имя Марии — Царицы апостолов, и выступление священника Александра Прилуцкого, ректора Теологического института Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии. Каждое из церковных учебных заведений, руководствуясь политикой священноначалия и оценивая ситуацию с определенных позиций, выбирают собственные пути развития — движение к аккредитации или консолидацию с ведущими конфессиональными вузами за рубежом, сосредоточение на реализации лицензированных (но не аккредитованных по российским правилам) теологических программ. Важен уникальный опыт Православного Свято-Тихоновского университета, который представлял начальник научного отдела Александр Викторович Саввин. Это вуз, который позиционируя себя как вуз церковный, дает и богословское, и светское образование, подкрепляя его выдачей государственных дипломов. Но и в словах А.В.Викторова звучали проблемные нотки — о незавершенности цикла теологии на уровне послевузовского образования, о том, что путь включения религиозного образования в государственную систему оценки совсем не прост. О специфике ситуации в братской — как говорили раньше — республике, в Казахстане, который вместе с Россией теперь входит в таможенный союз, говорил иеромонах Серафим (Кенисарин). Эта специфичность — в активности мусульманских образовательных учреждений. И анализ того, что сказал отец Серафим, позволяет нам спроецировать эту ситуацию на различные регионы нашей страны. Важные с практической точки зрения тезисы озвучил А.А.Михейшин, советник проректора по научной работе СПбГУ. Необходимо чаще встречаться, нащупывать общие пути решения общих проблем, четче формулировать вопросы к властям и смелее доводить их до сведения последних. Конечно, нам бы очень хотелось расширить круг участников этого диалога, в том числе за счет представителей исламских вузов, сделать его регулярным. Думал, что.